

Зарина Иванова

Сшивая наши сумерки

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Зарина Иванова

Сшивая наши сумерки

«Автор»

2026

Иванова З.

Сшивая наши сумерки / З. Иванова — «Автор», 2026

После смерти парня я поклялась, что больше никогда не позволю мужчине войти в мою жизнь. Три года траура, чёрная одежда и гонки по ночному городу на мотоцикле — вот всё, что у меня осталось. Тело живёт по инерции, а сердце превратилось в лоскутное одеяло из боли и вины. Но однажды на заброшенном треке меня сбивает с ног — буквально. Его зовут Дамир. Он такой же сломанный, как и я. У него те же шрамы на костяшках и тьма в глазах. Он не пытается меня спасти. Он просто предлагает вместе нести эту ношу. Я не хочу чувствовать. Но каждую ночь меня разрывают сны — влажные, горячие, запретные. Я мечтаю о его руках на своей талии. О том, как он шепчет моё имя в темноте. Я боюсь, что однажды эти мечты станут реальностью — и уничтожат меня окончательно. Потому что, когда встречаются два осколка, они либо складываются в целое, либо вонзаются друг в друга ещё глубже.

© Иванова З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Осколки вместо пульса	5
Глава 2. Человек-шторм	8
Глава 3. Сны на изнанке	11
Глава 4. Ставка на адреналин	14
Глава 5. Лоскутная аритмия	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Зарина Иванова

Сшивая наши сумерки

Глава 1. Осколки вместо пульса

Ада. 22 года. Четверг, 23:47

Ночной город пахнет бензином и предательством.

Я вдыхаю этот запах полной грудью, когда мотоцикл вырывается на пустынную трассу. «Сузуки» вибрирует между моих бедер, как живой зверь, которого я давно приручила, но так и не смогла полюбить. Рёв мотора заглушает всё, что внутри меня пытается заговорить. Совесть. Память. Жалость к себе.

Шлем давит на виски — привычно, почти ласково. Чёрная кожа куртки скрипит на каждом повороте. Светофоры горят жёлтым, но я не торможу. Полиция давно не останавливает девушку в полночь на трассе «Северной». Они знают: это просто Ада. Та, у которой жених разбился три года назад. Та, которая больше не улыбается. Та, которую жалеть бесполезно.

Скорость — единственный наркотик, который не требует рецепта.

Стрелка спидометра переваливает за сто тридцать, когда я вхожу в поворот. Асфальт влажный после вечернего дождя, но меня это не пугает. Я падала. Я знаю, что такое гравитация и что такое удар. Тело помнит, как проезжая часть въедается в кожу, как бетонная крошка въедается в ладони. Тело помнит всё, даже когда мозг пытается забыть.

Глаза щиплет от ветра, пробивающегося через микрощели. Зажмуриваюсь на секунду — и вот оно.

Вспышка.

Двадцать два месяца, четырнадцать дней и — кажется, восемь часов назад.

— Ада, я скоро буду, купил тебе ту самую штуку. Нет, не скажу какую. Сюрприз. Я люблю тебя. Выезжаю.

Голос Дениса в трубке был сонным, тёплым, с этой его дурацкой привычкой растягивать гласные. Он ночевал у родителей, собирался вернуться к утру. Мы должны были ехать завтракать в ту кафешку у набережной, где подают блинчики с вишней. Я ждала его в нашей съёмной однушке, пила кофе с корицей и рассматривала потолок.

Потом зазвонил телефон с незнакомого номера.

Голос женщины был спокойным, почти профессиональным: «Девушка, вам нужно подъехать в городскую больницу. Произошло ДТП. Ваш молодой человек состояние тяжёлое».

Я не помню, как оделась. Как бежала. Как сидела в такси и царапала ногтями кожу на запястьях, оставляя красные полосы. Помню только коридор. Белый. Стерильный. Пахло хлоркой и чем-то сладковатым — тем самым запахом, который я теперь ненавижу больше всего на свете.

Врач вышел не ко мне. К какой-то женщине в синем халате. Они переглянулись. Врач покачал головой.

Я не слышала слов. Я услышала вой.

Свой собственный.

Потому что где-то в глубине сознания уже поняла: Денис не купил мне никакой сюрприз. Он просто вырулил на встречу, объезжая пьяного водителя, и его «Тойота» сложилась, как консервная банка. У него были сломаны рёбра, пробито лёгкое и разможён позвоночник. Он умер через сорок минут после звонка.

Той самой минуты, когда я ещё думала: «Вот дурачок, снова с сюрпризами».

Похороны.

Стою под чёрным зонтом. Дождь идёт стеной. Всё плывёт. Люди вокруг — серые тени, которые что-то шепчут, гладят по плечу. Его мать рыдает так, что у неё ломается голос. Его отец смотрит в землю и молчит. Я не плачу.

Я вообще ничего не чувствую.

Только вижу гроб. Лакированное дерево. Венки: «Любимому сыну», «Дорогому брату». И я стою и думаю: почему там нет венка «Любимому мужчине»? Почему моё место не рядом с ним в этой яме?

Потому что живые трусы.

Потому что смерть — это слишком просто. А я, видите ли, должна «жить дальше». Должна «найти в себе силы». Люди любят раздавать советы, когда их жизнь не рассыпалась на бетонной крошке на скорости сто сорок.

На похоронах я не уронила ни слезинки. Его мать сказала потом родственникам: «Она его никогда и не любила. Видите — сухая, как доска».

Я не стала оправдываться. Пусть думают, что хотят.

Потому что правда в том, что я умерла не в тот день, когда его закопали. Я умерла за сорок минут до этого. Там. В такси, когда услышала слово «ДТП».

Сейчас. Время пришло.

Сбрасываю скорость у поворота на старый трек. Глушу мотор. Тишина оглушает похлеще рева.

Снимаю шлем. Волосы мокрыми змеями падают на плечи. Глаза красные — то ли от ветра, то ли от того, что внутри снова кто-то давит на кнопку «пульс».

Разглядываю своё отражение в зеркале заднего вида.

Мне двадцать два. А выгляжу на сорок. Губы сухие, под глазами тени, в которых можно утонуть. Я не красилась с тех пор. Не ходила к парикмахеру. Не покупала платья. Только чёрные джинсы, байкерские ботинки и куртка, которая протёрлась на локтях до дыр.

Я стала призраком, который умеет водить мотоцикл.

Иногда я представляю, как разгоняюсь до предела и влетаю в отбойник. Не потому что хочу умереть. А потому что хочу перестать *чувствовать пустоту*. Это разные вещи. Смерть — это конец. А пустота — это когда ты есть, но тебя нет.

Каждую ночь я возвращаюсь в нашу квартиру. Включаю свет. Он не зажигается — перегорела лампочка в коридоре, а мне лень её менять. Зачем? Чтобы лучше видеть стены, на которых до сих пор висит его старая гитара? Или фотография, где мы смеёмся на пляже, а у меня в волосах песок?

Я захожу в душ. Стою под горячей водой, пока кожа не становится красной. Иногда тру себя мочалкой так сильно, что идут царапины. Хочется содрать эту кожу. Содрать всё, чего касался Денис. Потому что тогда, возможно, я перестану чувствовать его прикосновения — такие живые, такие невозвратные.

Ложусь в кровать. Одна.

Правую сторону я не занимаю уже три года. Простыня там холодная даже летом. Подушка пахнет — ничем. Я давно заменила всё бельё, но мозг упрямо додумывает: «А здесь он лежал. А здесь я прижималась к его спине».

Перед сном я прокручиваю в голове сценарии.

Что, если бы он задержался у родителей на час? Что, если бы я позвонила ему и сказала: «Не езжай, дождь»? Что, если бы тот пьяный водитель выехал на секунду позже?

Вариантов сотни. Исход один.

Моё сердце больше не бьётся ровно. Оно трепещет, как загнанная птица. Оно — лоскутное одеяло из вины, ярости и тоски. Каждый шов расходится по ночам, и мне кажется, что я слышу треск.

Но днём я надеваю маску. Работаю в автомастерской (мужская работа, зато платят нормально). Общаюсь с клиентами как робот: «Добрый день, что случилось с подвеской?». Домой приношу чек, который кладу в конверт. Конверт кидаю в ящик. Деньги не считаю.

Вчера я осознала: я не живу. Я существую на автопилоте. И разница между мной и трупом только в том, что я дышу.

Но сегодня что-то изменилось.

Не знаю, что именно. Может быть, ржавый знак на повороте. Может быть, запах озона перед грозой. А может — тот самый миг, когда я нажала на газ и поняла: если я сейчас не изменю маршрут, я действительно врежусь в отбойник.

Поэтому я сворачиваю. Туда, где даже Google Maps показывает пустоту.

На заброшенный трек.

Говорят, там по ночам собираются гонщики-нелегалы. Рискуют, сходят с ума, разбиваются. Пьют пиво и смеются в лицо смерти.

Я не хочу смеяться. Я хочу почувствовать что-то кроме пульса, который звучит как метроном на похоронах.

Зажигаю фару. Еду в темноту.

И не знаю, что через три минуты моя жизнь перестанет быть просто арифметикой одиночества.

Потому что там, в конце разбитой трассы, стоит его мотоцикл.

И он смотрит на меня так, будто знает все мои самые грязные, самые постыдные секреты.

Глава 2. Человек-шторм

Заброшенный трек «Молния» встречает меня тишиной.

Нет, неправильно. Не тишиной. Тем безмолвием, которое бывает перед взрывом. Воздух здесь густой, как сироп. Пахнет старой резиной, мазутом и — странно — озоном, будто только что прошла гроза, хотя небо над головой чистое, звёздное, равнодушное.

Я глушу двигатель за сто метров до финишной прямой. Дальше качусь на инерции. Не хочу, чтобы меня услышали.

Хотя кого здесь слышать? Трек забросили ещё десять лет назад. Асфальт потрескался, из щелей лезут сорняки. Трибуны поросли ржавчиной. Стартовый светофор давно не горит, и только разбитые лампы напоминают о том, что когда-то здесь гремели моторы и толпы орали, приветствуя победителей.

Я приезжаю сюда раз в месяц. Одна. Стою на стартовой линии и смотрю вдаль. Думаю о том, как Денис мечтал стать гонщиком. О том, как мы смотрели MotoGP по субботам, и он говорил: «Ада, вот если бы я родился в Италии». Я смеялась. Целовала его в шею.

Теперь я приезжаю сюда, чтобы вспомнить его смех.

Но сегодня здесь кто-то есть.

Я замечаю свет сначала. Слабый, пульсирующий. Сварка. Кто-то варит металл в ночи, на брошенном треке. Искры летят вверх, рассыпаются золотым фонтаном и гаснут, не долетев до земли.

Потом я вижу мотоцикл.

Старый «Ямаха». Не какой-нибудь понтовый спортбайк, а грязный, потрёпанный дорожный эндуро. Краска облезла на баке. Фара держится на синей изолянте. Глушитель примотан проволокой.

И рядом — человек.

Спина широкая. Плечи, обтянутые чёрной футболкой, напряжены. Он сидит на корточках у рамы, сжимая в руке сварочный аппарат. Маска сварщика поднята на лоб, и я вижу профиль: резкий, тяжёлый подбородок, сломанная переносица (определённо была драка), тёмные волосы, падающие на глаза.

Мне становится не по себе.

Не потому что страшно. А потому что внутри — между рёбрами, там, где три года назад поселилась ледяная пустота, — что-то дёргается.

Как рыбка на крючке.

— Ты кто? — спрашиваю я, выкатываясь из тени.

Голос звучит грубее, чем я планировала. Но это защита. Я всегда сначала нападаю, потому что если замешкаюсь — мир нападёт на меня.

Человек не вздрагивает. Не оборачивается. Продолжает варить шов, будто я — призрак, которого не существует.

— А ты? — его голос низкий, хриловатый. Словно он прокуренный, хотя запаха табака я не чувствую.

— Я первая спросила.

— А я первый здесь был.

Теперь он поднимает маску. Поворачивается.

И у меня подкашиваются колени.

Боже.

Я забываю, как дышать.

Его глаза — серые. Нет, неправильно. Они цвета мокрого асфальта. Цвета той самой трассы, по которой я только что ехала. В них нет тепла. Нет приветливости. Есть только холодная насмешка и что-то ещё.

Что-то опасное.

Что-то, от чего у меня немеют пальцы.

Шрам на скуле — старый, белый, как молния. Губы тонкие, но нижняя чуть припухшая, разбитая. Свежий порез. И родинка над ключицей, которую я замечаю, потому что ворот футболки вырезан слишком низко.

Он смотрит на меня в упор. Не раздевает взглядом — нет. Он изучает. Как механик, который видит чужую машину и уже знает, где у неё скрытые дефекты.

— Твои? — кивает на мой «Сузуки».

— Мои.

— Разбитый подвес. Задний амортизатор дохлый. И тормозные колодки на пределе, — он вытирает руки ветошью. — Хочешь убиться?

— Я не спрашивала твоего мнения.

— Я и не предлагал. Констатирую факт.

Он встаёт. И вот тут я понимаю, насколько он большой. Не толстый — широкий. Мощный. Плечи, кажется, не пролезают в дверные проёмы. Когда он делает шаг ко мне, инстинктивно хочется отступить.

Но я не отступаю.

Я сжимаю руль и смотрю ему в лицо. Демонстрирую, что не боюсь.

Хотя сердце — это предательское, лоскутное сердце — начинает колотиться так, будто я только что сошла с трассы на скорости двести.

— Тебя как зовут? — спрашиваю.

— Дамир.

— Ада.

— Подходяще, — он усмехается. Одним уголком губ. Криво. — Первая женщина, изгнанная из рая. Теперь гоняешь по ночам, чтобы забыть, что натворила.

— С чего ты взял, что я что-то натворила?

— У всех, кто сюда приезжает, — грех. У тебя он на лице написан.

Он снова садится на корточки. Берёт щётку по металлу. Искры летят снова — теперь от трения. Скрежет такой, что зубы сводит.

Я молчу минуту. Смотрю, как он работает. Его руки в масле, в мелких царапинах, сбитых костяшках. Сильные пальцы. Жилы вздуваются, когда он сжимает инструмент.

Почему я смотрю на его руки?

Почему я представляю, как эти пальцы сжимают не металл, а чьи-то бёдра?

Отворачиваюсь. Зло. Резко.

— Ты здесь вообще законно? — спрашиваю, чтобы перебить эту дурацкую, неуместную мысль.

— А здесь есть законы? — он не поднимает головы. — Место брошенное. Хозяев нет. А я просто чиню мотоцикл. Преступление?

— Нет. Но обычно люди чинят в гаражах, а не в полночь на треке.

— Обычные люди — в гаражах. А я не обычный.

— Это ты уже понял.

Он замолкает. Я тоже.

Слышу только стрекот сверчков, далёкий гул поезда и своё дыхание — слишком частое, слишком громкое.

Наконец он откладывает щётку. Встаёт. Подходит ко мне почти вплотную.

Теперь я чувствую его запах. Пот. Металл. Дёготь. И что-то горькое, как полынь. Пряный. Мужской.

— Ада, — произносит он моё имя так, будто пробует на вкус. — Ты приехала не просто так. И не гонять. Ты приехала посмотреть, не живёт ли здесь кто-то такой же сломанный, как ты.

— Я не сломанная.

— Врёшь. — Он наклоняет голову. — У тебя в глазах такая пустота, что там можно заблудиться. Я знаю эту пустоту. Потому что у меня она тоже есть.

Его рука дёргается. На секунду мне кажется, что он хочет дотронуться до моего лица.

Но не дотрагивается.

Разжимает пальцы. Отступает.

— Уезжай, — говорит уже жёстче. — Здесь не место для девушки в таком состоянии.

— А для тебя место?

— Для меня — нет. Но я хотя бы не притворяюсь, что жив.

Он разворачивается. Берёт сварочный аппарат. Снова опускает маску на лицо.

И вот тогда я чувствую это.

Дрожь.

Настоящую, физическую дрожь в коленях. Не от страха. Не от холода (ночь тёплая, душная). А от чего-то такого, чего я не испытывала три года.

Притяжения.

Опасного.

Запретного.

Человек-шторм, проносится у меня в голове. Не ураган. Не буря. Шторм. Потому что он не ломает сразу. Он затягивает. Медленно. Неотвратно. И ты уже не знаешь, выплывешь или пойдёшь ко дну.

Я завожу двигатель.

Но не уезжаю.

Стою, смотрю на его спину, на то, как играют мышцы под футболкой, когда он наклоняется к раме.

И впервые за долгое время думаю не о Денисе.

Думаю о том, как бы прикоснуться к этому человеку.

Разбить о него свою пустоту.

И пусть осколки вонзаются в нас обоих.

— Завтра я приеду снова, — говорю я.

Он не оборачивается.

Но я вижу: его спина напрягается чуть сильнее.

И это мне отвечает больше, чем любые слова.

Глава 3. Сны на изнанке

Я возвращаюсь домой в половине второго ночи.

Квартира встречает меня всё той же перегоревшей лампочкой в коридоре. Темнота обнимает за плечи, как старая знакомая. Я не включаю свет. Прохожу на кухню на автомате, наливаю стакан воды, смотрю в окно.

Там, внизу, город спит.

Я не сплю никогда.

Ну, почти никогда.

Сегодня — исключение. Сегодня я валюсь с ног. Не от усталости. От странного опустошения, которое появилось после встречи с ним. С Дамиром. Это имя вертится на языке, как невысказанное заклинание.

Я раздеваюсь в темноте. Бросаю куртку на стул. Джинсы падают на пол. Остаюсь в одном белье — чёрном, простом, без кружев. Какое мне кружево? Кому его показывать?

Фотография Дениса на тумбочке смотрит на меня осуждающе. Или мне только кажется.

— Не смотри, — бормочу я, переворачивая рамку лицом вниз.

Я не знаю, зачем это делаю. За три года ни разу не переворачивала. А сегодня — перевернула.

Чувство вины накрывает сразу. Липкое, солёное, как морская вода. Я зажимаюсь. Дышу. Потом бросаю рамку в ящик и захлопываю его.

Так легче.

Нет, не легче. Просто по-другому.

Падаю в кровать. Простыня холодная. Правая сторона — всё так же пуста. Я сворачиваюсь калачиком на левом краю, подтягиваю колени к груди, и проваливаюсь в сон.

Сначала я не понимаю, что это сон.

Всё слишком реально. Запахи, звуки, прикосновения.

Я стою на треке. Том самом — «Молния». Но здесь нет ржавых трибун и треснутого асфальта. Всё новое, блестящее, залитое жёлтым светом фонарей. В воздухе пахнет озоном и — странно — мёдом.

А впереди, у стартовой линии, — его мотоцикл.

Тот самый старый «Ямаха». Но сейчас он кажется другим. Мощным. Опасным. Будто не железо, а живой зверь на цепи.

Дамир стоит рядом, облокотившись на седло. Он ждёт.

— Подойди, — говорит. Не просит. Приказывает.

Ноги идут сами. Я не контролирую их. И это пугает, но не настолько, чтобы остановиться.

Когда я оказываюсь в двух шагах, он хватает меня за талию.

Резко.

Властно.

Пальцы впиваются в кожу через тонкую ткань футболки. Я чувствую жар его ладоней — такой сильный, что, кажется, он прожёт меня насквозь.

— Ты думала, я не замечу? — шепчет он мне прямо в губы.

— Заметишь что?

— Что ты хочешь этого. Что ты хотела с первой секунды, как увидела меня.

Я должна возразить. Сказать: «Нет, ты ошибаешься». Но рот не слушается. Из горла вырывается только тихий выдох, похожий на стон.

Дамир прижимает меня к байку.

Металл впивается в спину. Холодный, жёсткий. Но между нами — огонь. Его тело вдавливаются в моё, и я чувствую всё. Каждый мускул. Каждое движение его грудной клетки, когда он дышит. И что-то ещё — твёрдое, горячее у моего живота.

— Скажи, что не хочешь, — требует он, наклоняясь к моей шее.

— Я не

Он кусает.

Не целует. Не ласкает. Кусает кожу там, где бьётся пульс. Зубы смыкаются, и боль вспыхивает горячей точкой, а за ней — волна такого наслаждения, что у меня подкашиваются колени.

— Врёшь, — выдыхает он в укус. Потом проводит языком по тому же месту. Медленно. Влажно. Соль моей кожи тает у него на губах.

Я хватаюсь за его плечи. Ногти впиваются в ткань футболки. Он не морщится. Только сильнее прижимает меня к байку, так что рёбра почти трещат.

Его рука скользит вниз.

По животу. По животу, чёрт возьми. Мои мышцы сокращаются, как струны. Я понимаю, куда он движется, и не могу дышать.

— Дамир

— Молчи, — шепчет мне в шею, и от его голоса по позвоночнику бегут мурашки. — Сейчас я хочу слышать не твой голос.

Его ладонь ложится на внутреннюю сторону моего бедра. Пальцы сжимают ткань моих штанов — там, где жарко и влажно. Я чувствую себя обнажённой, хотя на мне одежда.

— Ты уже мокрая, — констатирует он без тени стыда. — Только от того, что я прижал тебя к байку и укусил.

— Нет

— Да. — Он поднимает голову. Смотрит мне в глаза. В этом взгляде — всё. Превосходство. Желание. Обещание боли. — Врёшь даже во сне.

Он просовывает руку мне под футболку.

И вот тут я понимаю.

Во сне?

Я сплю?

Дамир смеётся — тихо, хрипло, словно прочитал мои мысли.

— Ещё нет, — говорит он. — Но сейчас ты проснёшься. И будешь помнить каждое моё прикосновение.

Он наклоняется к моей груди. Я чувствую его дыхание через ткань. Жар. Приближение губ.

— Просыпайся, Ада.

Я просыпаюсь с криком.

Нет, не с криком. С хрипом. Словно кто-то сжимал моё горло и отпустил в последний момент.

Сердце колотится так, что я слышу пульс в ушах. Футболка прилипла к спине. Всё тело горит. Между ног — пульсация, влажная и горячая. Я чувствую себя так, будто меня только что

Господи.

Я сажусь на кровати. Трясущимися руками включаю ночник. Жёлтый свет режет глаза.

Я одна.

Совсем одна.

Подушка сброшена на пол. Простыня скомкана. А на моей шее — нет никаких следов укуса. Только капельки пота, стекающие по ключицам.

— Это был сон, — говорю я вслух. Голос дрожит.

Просто сон.

Дамир не прижимал меня к мотоциклу. Не кусал шею. Не трогал там, внизу. Это всё — моё больное воображение. Моё одинокое, изголодавшееся тело, которое решило напомнить о себе через три года добровольного траура.

Но почему именно он?

Почему не Денис? Хотя бы во сне. Почему не человек, которого я любила и оплакивала, а какой-то грубый механик с заброшенного трека?

Я обхватываю колени руками и утыкаюсь в них лбом.

Стыд накрывает с головой.

Горячий, едкий. Он смешивается с остатками возбуждения, и от этой смеси тошнит. Я хочу вымыться. Выскрести себя изнутри. Смыть эту грязь, это предательство.

Но пальцы замирают над пижамными штанами.

Потому что где-то глубоко — туда, куда стыд не достаёт, — я понимаю: мне понравилось.

Мне понравилось, как он разговаривал со мной. Мне понравилось, как он прижимал меня к байку. Мне понравилось, как он сказал: «Ты уже мокрая».

Боже.

Я зажимаю рот рукой, чтобы не закричать.

Денис.

Я предала Дениса.

Во сне. Своими мыслями. Своей плотью, которая предательски откликнулась на чужого мужчину.

Я встаю. Иду в душ. Включаю ледяную воду.

Стою под ней, дрожа, пока зубы не начинают выбивать дробь. Холод пробирает до костей, смывает жар, успокаивает пульсацию между ног.

Я тру себя мочалкой. Сильно. Почти до боли. На запястьях остаются красные полосы — там, где он держал меня во сне.

Когда вода становится невыносимой, я закрываю кран. Смотрю в зеркало.

Из отражения на меня смотрит девушка с красными глазами, мокрыми волосами и припухшими губами.

Девушка, которая только что испытала оргазм во сне.

С мужчиной, которого видела один раз в жизни.

С чужим мужчиной.

— Ты отвратительна, — шепчу я своему отражению. — Ты предательница. Ты Слова застревают в горле.

Потому что в глубине зрачков — там, где стыд не может соврать, — я вижу не раскаяние.

Я вижу желание.

Дикое. Голодное. Запретное.

И оно пульсирует в такт с моим разбитым сердцем.

Я иду на кухню. Наливаю виски — тот самый, который стоит в шкафу с похорон Дениса. Пью прямо из горла. Жидкость обжигает пищевод, но не заглушает память о его губах на моей шее.

Я хочу забыть этот сон.

Но боюсь, что не смогу.

И боюсь, что снова увижу его сегодня.

И пусть это будет снова.

И пусть он сделает со мной всё, что захочет.

Потому что в темноте — в самой глубокой, где нет ни стыда, ни вины, — я наконец-то чувствую себя живой.

И это самое страшное.

Глава 4. Ставка на адреналин

На следующий день я приезжаю на трек раньше обычного.

За час до заката.

Солнце висит над горизонтом, как переспелый апельсин, и красит ржавые трибуны в цвет старой крови. Я паркую «Сузуки» у въезда, выключаю двигатель и просто сижу, слушая, как остывает металл.

Я не спала больше.

После того сна — после того *студа* — я лежала с открытыми глазами до утра. Смотрела в потолок, перебирала в голове каждое прикосновение. И ненавидела себя за то, что хочу повторить.

Но сегодня я приехала не за этим.

Сегодня я приехала, чтобы доказать себе, что я ещё жива.

Дамир уже здесь.

Я слышу его раньше, чем вижу. Металлический звон — он чем-то стучит по раме. Потом скрежет — тянет цепь. Его «Ямаха» стоит на том же месте, что и вчера, но теперь выглядит чуть более живой. Он успел приварить новый кронштейн и затянуть болты на руле.

Он замечает меня сразу. Не оборачиваясь.

— Приехала, — говорит скорее утверждая, чем спрашивая.

— Приехала.

— Выспалась?

Я вздрагиваю. Вопрос звучит невинно, но в его голосе — смешинка. Или мне кажется?

— А ты всегда чинишь мотоцикл в одном и том же месте?

— Только когда жду, когда кто-то вернётся, — он наконец поворачивается.

Сегодня на нём серая футболка с выцветшим логотипом какой-то рок-группы. Рукава обрезаны, и я вижу его предплечья — сильные, с тёмными волосками и старой татуировкой: череп, перевитый проволокой. Кожа в масле, в мелких царапинах.

Я отвожу взгляд. Но поздно. Моё тело уже отреагировало. Пульс участился. Ладони вспотели.

Твою мать.

— Я не поэтому вернулась, — говорю жёстче, чем планировала.

— А почему?

— Хочу гонять. Здесь. Законно.

Дамир усмехается. Одним уголком губ, как вчера. Криво. И чуть опасно.

— Здесь всё незаконно, Ада. Забыла?

— Тогда просто по-честному.

Я делаю шаг вперёд. Останавливаюсь у своей «Сузуки». Провожу рукой по седлу — успокаивающий жест, который всегда работает. Железо не предаёт. Железо не снится по ночам.

— Ты знаешь трассу «Чёрная петля»? — спрашивает он неожиданно.

Знаю ли я?

«Чёрная петля» — это легенда. Заброшенный участок старого шоссе в пяти километрах отсюда. Три километра серпантина, где асфальт давно стёрся до щебня, а на одном из поворотов нет ограждения — только пятидесятиметровый обрыв в карьер.

Там разбилось три человека за последние два года.

Один выжил. Ездит теперь в инвалидной коляске.

— Знаю, — отвечаю я.

— Я предлагаю пари, — Дамир откладывает ключ. Скрещивает руки на груди. Смотрит на меня так, будто уже знает ответ. — Проедем «Петлю» на время. Кто быстрее — тот выиграл.

— Что именно выиграл?

— Право выбирать. Что угодно. От того, где мы будем пить кофе, до того — он делает паузу, и его взгляд скользит по моему лицу, шее, ключицам, — кто кому будет должен.

Воздух между нами нагревается.

Я чувствую это физически. Как перед грозой. Как перед тем, что нельзя отменить.

— Зачем тебе это пари? — спрашиваю, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Хочу посмотреть, на что ты способна, — он пожимает плечами. — И насколько сильно ты хочешь доказать себе, что жива.

Он попал в точку.

Прямо в то место, где у меня не зажившая рана. Туда, где Денис когда-то сказал: «Ада, ты никогда не рискнёшь. Ты слишком любишь контроль». Я тогда обиделась. Думала, что он меня недооценивает.

Теперь я понимаю: он был прав.

Я боялась. Всегда боялась. Риск — для других. А я — девушка, которая считает скорость, проверяет тормоза трижды и никогда не ездит по незнакомым трассам без разведки.

Но сегодня всё иначе.

Сегодня внутри меня — пустота, которую не заполнить правилами. И если я сейчас не нажму на газ до упора, если не почувствую, как смерть дышит мне в затылок, — я никогда не проснусь.

— Идёт, — говорю я.

Дамир поднимает бровь.

— Даже не спросишь, на чём мы поедем?

— На своих.

— У тебя «Сузуки» 600-й. У меня старый «Ямаха» 400-й. Нечестно.

— Ты сам предложил, — я улыбаюсь. Первый раз за много месяцев. Улыбка выходит кривой и, наверное, страшноватой. — Это не мои проблемы, что у тебя старый корыто.

Дамир усмехается. Громче, чем вчера.

— Девушка, вы мне нравитесь всё больше.

Он подходит к своему мотоциклу, заводит его с полуоборота. Двигатель чихает, кашляет, потом реветь ровно, мощно. Неожиданно для такой развалюхи.

Я завожу свою. «Сузуки» откликается сразу — нежно, покладисто. Хорошая девочка. Послушная.

Сегодня она должна стать зверем.

— Правила, — Дамир перекрикивает шум моторов. — Едем по очереди. Сначала ты, потом я. На финише — старый ангар. Там засекаем время по телефону. Без обгонов. Без грязных приёмов. Просто скорость.

— Договорились.

— И вот ещё что, — он глушит двигатель. Наклоняется ко мне так близко, что я чувствую запах его кожи — солёный, горячий, с горьким табаком. — Если ты упадёшь я не буду прыгать за тобой в обрыв.

Я не моргаю.

— Я и не прошу.

— Хорошо, — он отстраняется. Кивает. — Тогда поехали.

«Чёрная петля» встречает меня тишиной.

Здесь даже птицы не поют. Только ветер гуляет по ущелью, посвистывает в расщелинах, словно напевает колыбельную тем, кто уже не вернётся.

Я стою на старте. «Сузуки» урчит подо мной, как рассерженная кошка. Руки на руле не дрожат — это хорошо. Сердце колотится ровно и тяжело.

Я прокручиваю трассу в голове. Первый поворот — левый, под 90 градусов, там щебень. Второй — резкий правый, почти «шпилька», там асфальт выкрошен. Третий — самый опасный. Без ограждения. Обрыв.

Если входить в него на скорости выше семидесяти — не впишешься.

Я впишусь.

— Готова? — голос Дамира из динамика телефона. Он остался на старте, чтобы засечь время.

— Всегда готова, — вру я.

Ручка газа до упора.

«Сузуки» выстреливает, как пробка из шампанского. Ветер бьёт в лицо, срывает слёзы из глаз — или это просто от скорости? Я лечу в первый поворот, кладу мотоцикл так низко, что коленом почти касаюсь асфальта.

Щебень стреляет в подножку. «Сузуки» виляет — один раз, второй. Я выравниваю. Дышу.

Второй поворот. Правый. Резкий. Здесь я чувствую, как заднее колесо начинает скользить. Слишком много гравия. Слишком мало сцепления.

Я не сбрасываю газ.

Не сбрасываю — и это глупость, чистой воды самоубийство, но именно сейчас, в этой доли секунды, я чувствую себя живой.

Не «Ада-вдова». Не «Ада-сирота». Не «Ада, чей парень разбился».

Просто Ада. Человек. Женщина на пределе.

Второй поворот позади.

Третий.

Я вижу обрыв за пятьдесят метров. Чёрная лента асфальта уходит в никуда. Мне нужно затормозить — хотя бы на мгновение — чтобы войти в поворот. Но тормоза они кажутся такими далёкими. Такими ненужными.

Я хочу лететь.

Я хочу не останавливаться.

Дамир сказал: «Я не буду прыгать за тобой в обрыв». И это единственное, что возвращает меня в реальность.

Я нажимаю на тормоз. Резко. Переднее колесо блокируется на секунду — «Сузуки» рыскает, я вкладываю всё тело в поворот, чтобы удержать равновесие.

И вот он — ангар.

Финиш.

Я проскакиваю мимо ржавых ворот, торможу до полной остановки. Сердце колотится где-то в горле. Ноги дрожат так, что я едва могу опустить их на землю.

Я сделала это. Я жива.

Телефон в кармане вибрирует. Сообщение от Дамира.

«1 минута 43 секунды. Неплохо для девушки, которая вчера дрожала, как осиновый лист».

Я не успеваю ответить. Потому что слышу его мотор. Дамир проезжает трассу.

Он идёт по-другому. Не как я — истерично, на грани. Он плавный. Тягучий. Словно не гонится за временем, а танцует со смертью в медленном вальсе.

Финиширует он через

Я смотрю на секундомер.

1 минута 39 секунд.

Он выиграл. Четыре секунды.

Дамир паркуется рядом. Снимает шлем. Волосы мокрые, прилипли ко лбу. Глаза блестят — не от адреналина, нет. От удовольствия.

— Ты медленная, — говорит без злорадства. Почти ласково.

— У тебя лучшая техника, — признаю я.

— У тебя лучшая отвага, — он качает головой. — Ты не затормозила там, на втором. Ты пошла на снос сознательно. Зачем?

Я пожимаю плечами.

— Хотела почувствовать.

— Что?

— Что ещё могу упасть. Но могу и подняться.

Дамир смотрит на меня долго. Так долго, что я начинаю чувствовать себя обнажённой.

Потом медленно кивает.

— Ты выиграла, — говорит.

— В смысле? У тебя быстрее время.

— Не в этом было пари, Ада. Я хотел посмотреть, сломаешься ли ты. Ты не сломалась.

Значит, ты выиграла.

Он протягивает руку. Я смотрю на его ладонь — широкую, сбитую, с тёмными разводами масла на пальцах.

И пожимаю.

Его кожа обжигает.

Как вчера во сне.

Как будто он дотронулся не до руки — до чего-то гораздо более глубокого. До той самой пустоты, которую я ношу в себе три года.

— Ты должна мне кофе, — говорю я, чтобы скрыть дрожь.

Дамир усмехается.

— Должен. Но не сегодня.

— Почему?

Он садится на свой мотоцикл, заводит двигатель и смотрит на меня сверху вниз. В его глазах — что-то тёмное. То, от чего у меня снова немеют колени.

— Потому что сегодня я должен тебе кое-что другое.

— Что?

— Я должен уехать, пока не сделал то, что представил в голове, когда ты входила в третий поворот.

Он даёт газ и улетает в темноту, оставляя меня одну с бешеным сердцем и вопросом, на который я боюсь искать ответ.

Что же он представил?

И почему я хочу это узнать?

Глава 5. Лоскутная аритмия

Он врёт.

Я знаю это, когда смотрю на время. 1 минута 43 секунды у меня против его 1 минуты 39 секунд. Четыре секунды разницы. Четыре секунды — это вечность на такой трассе.

Но он сказал: «Ты выиграла». И я вижу в его глазах, что он не шутит.

Зачем?

Зачем мужчине, который только что доказал своё превосходство, отдавать победу женщине, которая даже не попросила?

Мы стоим у ангара. Его «Ямаха» урчит на холостых, выплёвывая сизый дым из выхлопной трубы. Мой «Сузуки» остывает молча, притих, как побитая собака.

— Ты проиграл нарочно, — говорю я.

Дамир снимает перчатки. Кладёт их на бак. Медленно, будто всё время в мире принадлежит только ему.

— Нет, — отвечает спокойно.

— Четыре секунды. Я видела твой заезд. Ты шёл на рекорд, а на последнем повороте сбросил скорость. Я не слепая.

Он замолкает на минуту. Достает из кармана пачку дешёвых сигарет, прикуривает. Табачный дым смешивается с запахом бензина, и этот коктейль ударяет в голову сильнее любого виски.

— Хорошо, — выдыхает он сквозь дым. — Допустим, я сбросил. И что с того?

— Зачем?

Дамир затягивается глубоко. Смотрит куда-то в темноту, туда, где трасса уходит в никуда. Лицо у него странное сейчас. Не грубое, не опасное. Усталое. Как будто он нёс тяжёлый мешок несколько километров и только сейчас разрешил себе положить его.

— Потому что если бы я выиграл по-честному, — говорит он тихо, — тебе пришлось бы мне что-то отдать. А ты не умеешь отдавать. Только забирать. Забирать боль и делать из неё броню.

— Откуда ты

— Я вижу, — перебивает он. — У тебя на лице написано. Ты приехала сюда не гонять. Ты приехала проверить, сможешь ли разбиться и не заплакать. Я не хочу быть тем, кто подтолкнёт тебя к краю.

У меня перехватывает горло.

Потому что он прав.

Каждая чёртова буква — правда.

Третий поворот. Я видела обрыв. И на одну дикую, безумную секунду я подумала: «А что, если не тормозить?» Не потому что хотела умереть. Потому что хотела перестать выбирать. Перестать контролировать. Упасть — и пусть будет что будет.

— Ты не знаешь меня, — шепчу я.

— Я знаю ровно столько, сколько нужно, чтобы сказать: ты не должна быть одна сегодня, — он выбрасывает сигарету и затаптывает её ботинком. — Поехали ко мне.

— Что?

— Ко мне домой. Мастерская. Боишься?

— Я ничего не боюсь, — вырывается раньше, чем успеваю подумать.

— Тогда поехали. Я угощу тебя чаем. Честно. Без подтекста.

Дамир садится на свой «Ямаху» и заводит двигатель. Я смотрю на него несколько секунд. В голове — вой сирен. Осторожно. Опасно. Ты не знаешь этого человека. У тебя дома ждёт пустота и фотография Дениса в ящике.

Но что-то внутри — та самая лоскутная аритмия, которая не даёт мне спать по ночам,
— шепчет: «Езжай».

Я завожу «Сузуки» и еду за ним.

Мастерская Дамира находится на окраине города.

Заброшенная промзона. Цеха с выбитыми окнами. Ржавые ворота. Место, где нормальные люди не живут, а прячутся — от кредиторов, от прошлого, от себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.